

УДК 327.8(540)

КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ СТРАТЕГИЧЕСКИМ ИНТЕРЕСАМ ИНДИИ

А.М. Акматалиева

В академической литературе большинство работ посвящено анализу перспектив инициативы КНР “Один пояс – один путь”, а вопросы, кто из акторов и почему может противостоять “китайской экспансии”, остаются малоизученными. В перспективе именно Индия может создать “антикитайскую коалицию”, объединив усилия США, Японии, Австралии, Вьетнама и других государств с целью сдерживания КНР. Стратегические интересы Индии оказываются под вопросом в контексте расширяющегося влияния КНР в АТР, что вынуждает Нью-Дели более активно проводить политику по отношению к своим соседям в периметре Индийского океана.

Ключевые слова: китайская инициатива “Один пояс – один путь”; Индия; Китайско-Пакистанский экономический коридор; Шри-Ланка; Бангладеш; Непал; Джибути; АТР; военные базы.

ИНДИЯНЫН СТРАТЕГИЯЛЫК КЫЗЫКЧЫЛЫКТАРЫНА КАРАТА КЫТАЙДЫН ЧАКЫРЫГЫ

Академиялык адабиятта көптөгөн эмгектер Кытай Элдик Республикасынын “Бир алкак – Бир жол” демилгесинин келечегине талдоо жүргүзүүгө арналган, ал эми акторлордун кимиси жана эмне үчүн “кытай экспансиясына” каршы тура ала тургандыгы көп изилденбей калууда. Келечекте дал ушул Индия Америка Кошмо Штаттары, Япония, Австралия, Вьетнам, Шри-Ланка жана башка мамлекеттердин күч-аракеттерин бириктирип, Кытай Элдик Республикасын токтотуу максатында, Кытайга каршы коалицияны түзүшү мүмкүн. Индиянын стратегиялык кызыкчылыктары Кытайдын таасиринин өсүшү менен шектенүүнү туудурат, мунун өзү Нью-Дели тараптан Индия океанынын периметринде анын кошуналары менен дагы активдүү саясат жүргүзүүгө түртөт.

Түйүндүү сөздөр: Кытайдын “Бир алкак – Бир жол” демилгеси; Индия Кытай-Пакистан экономикалык коридору; Шри-Ланка; Бангладеш; Непал; Джибути; АТР; аскер базалары.

CHINESE CHALLENGE TO INDIAN STRATEGIC INTERESTS

A.M. Akmatolieva

In the academic literature, most of the works are devoted to the analysis of the prospects of the PRC “One Belt - One Way” initiative, and the questions of which one of the actors and why can withstand the “Chinese expansion” remain little studied. In the future, it is India that can create an “anti-Chinese coalition” by uniting the efforts of the United States, Japan, Australia, Vietnam and other states in order to contain the PRC. India’s strategic interests are questionable in the context of the expanding influence of China in the APR, which forces New Delhi to pursue a more active policy towards its neighbors in the perimeter of the Indian Ocean.

Keywords: China Initiative “One Belt – One Road”; India; China-Pakistan Economic Corridor; Sri-Lanka; Bangladesh; Nepal; Djibout; APR; military bases.

Прошедший 14–15 мая 2018 г. Международный форум “Один пояс – один путь” (ОПОП) в Пекине с участием представителей 130 государств мира наглядно продемонстрировал желание КНР расширить не только свое геоэкономическое влияние в мире, но и геополитические возможности. Си Цзиньпин в своей приветственной речи отметил, что за 2014–2016 гг. товарооборот между КНР и странами инициативы ОПОП превысил 3 трлн долл., а общие инвестиции КНР превышают 50 млрд долл. [1].

Инициатива должна рассматриваться как возможность для КНР изменить существующий мировой порядок в свою пользу и изменить баланс сил на евразийском пространстве и АТР с постепенным расширением своего влияния на глобальном уровне. Пример активного лоббирования экономического коридора Китай – Пакистан уже вызывает негативную реакцию Индии, выраженную, в частности, ее отказом от участия в инициативе ОПОП КНР. Некоторые авторы указывают на возможность жесткого противостояния Индии и Китая

в XXI в. в контексте претензий обоих государств на лидерство. Открытие 1 августа 2017 г. первой военной базы КНР в африканском Джибути свидетельствует о готовности Пекина расширять свое военно-политическое присутствие и защищать собственные проекты в Африке и на Ближнем Востоке, а также оспаривать значение других акторов на континенте. Помимо китайской военной базы, в Джибути сосредоточены военные базы Франции, США, Италии и Японии.

Джибути, представляя собой “ворота” в Суэцкий канал и Аденский залив, а также в Баб-эль-Мандебский пролив, имеет стратегическое значение для КНР. В Джибути Пекин является крупнейшим инвестором инфраструктурных проектов: многофункциональный порт Дорале – 1-й этап строительства был завершен в 2017 г.; железная дорога Эфиопия – Джибути, соединяющая Аддис-Абебу с портом Дорале; водопровод Эфиопия – Джибути. Сама военная база КНР в Джибути позволит осуществлять несколько задач: деятельность против пиратства в регионе; сбор разведывательных данных по государствам и их военной политике в Африке; поддержка операций по эвакуации своих граждан в контексте увеличивающегося присутствия китайских рабочих в регионе; поддержка миротворческих сил КНР в Африке – это более 1 700 человек, преимущественно в Южном Судане и Судане; поддержка контртеррористических операций в Африке [2].

С геоэкономической точки зрения инициатива ОПОП рассматривается как модель экспорта китайского “экономического чуда” в соседние регионы. С одной стороны, на локальном уровне инициатива позволит дать толчок для развития слабо-развитым центральным и западным провинциям Китая – СУАР, Гансу, Нинксия, Юннан, что будет способствовать экономическому выравниванию регионов. Среди других причин можно отметить стимулирование роста внутреннего потребления, переизбыток промышленных мощностей, разрешение проблем с экстремизмом и сепаратизмом в СУАР.

На наш взгляд, экономическое влияние КНР постепенно перерастет в необходимость политического контроля. Так, сравнивая европейский и китайский опыт колониализма в Африке, некоторые авторы отмечают, что они разделяют одинаковую мотивацию и цели, но отличаются стратегиями. Если европейцы устанавливали прямой колониальный контроль в Африке, то китайцы устанавливают непрямые средства контроля – двусторонние торговые соглашения и инвестиции, что подпадает под категорию неоколониализма; КНР также ограничен природой международной системы, где поддержи-

вается суверенитет и государственность. О. Антви-Боатенг также справедливо отмечает, что конкуренция за сырье как источник для поддержания своего экономического роста, поиск новых рынков сбыта, а также желание глобального влияния или престижа вынудили к колониальной политике европейские державы в прошлом, а КНР в XXI в. использовать стратегии неоколониализма [3].

Существуют геополитические конкуренты КНР, которые пытаются противостоять расширению китайского влияния в мире, т.к. воспринимают его в качестве угрозы для собственных национальных интересов. К примеру, создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций поддержали 77 государств, а США и Япония не проявили никакого интереса. Из представителей 130 государств на форуме в 2017 г. присутствовали главы 29 государств, а остальные были представлены руководителями не высшего уровня.

В США с приходом к власти администрации Д. Трампа отношение к инициативе ОПОП можно охарактеризовать как противоречивое, с отсутствием четкой позиции. Если на начальном этапе инициатива приветствовалась как возможность найти точки соприкосновения с инициативой США “Новый Шелковый путь в Центральной Азии”, то на данном этапе мы видим противоречивые заявления. Вместе с тем Индия имеет для Вашингтона больший приоритет в качестве державы для сдерживания геополитических амбиций Китая в Индийском периметре. Скорее всего, в перспективе США будут поддерживать усилия именно Индии в АТР и привлекать своих сторонников, таких как Япония и Южная Корея. Некоторые эксперты предлагают Индии развивать усиленно отношения с США, для того чтобы заручиться их поддержкой и поддержкой их союзников в АТР.

Последовательным сторонником инициативы КНР на глобальной арене является Россия, с выдвинутым рядом проектов по сопряжению с проектами в рамках ЕАЭС. Россия не только активно поддерживает китайскую инициативу, но и готова предложить ряд проектов для совместной реализации. Вместе с тем растущее влияние КНР в регионе Центральной Азии в перспективе будет беспокоить Россию, что уже проявляется на характере деятельности ШОС и ОДКБ. Следует отметить, что инфраструктурный проект “Москва – Казань”, обсуждаемый с 2014 г. между РФ и КНР, так и не воплощается детально ни на бумаге, ни на деле. КНР за последние годы нарастил торговое сотрудничество с государствами Центральной Азии, отодвинув на вторые и третьи позиции Россию, став при этом крупным кредитором всех пяти республик.

В начале 2018 г. четыре государства – США, Австралия, Индия и Япония – после переговоров в Сиднее наметили планы по “противостоянию” китайской инициативе посредством создания альтернативы. Тем не менее конкретных планов по выработке альтернативы еще нет, риторика по выработке самой альтернативы носит пока декларативный характер.

Наиболее активным и последовательным критиком инициативы КНР является Индия, которая согласно глобальным рейтингам по многим общим показателям идет вслед за КНР. Именно Индия, по мнению американских исследователей, может стать противовесом КНР в XXI в., если будет развивать свой проект мироустройства.

Индия и Китай являются наиболее динамично развивающимися экономиками мира, тем более что для Индии Китай является крупным торговым партнером на протяжении многих лет. Развитие экономики в обоих государствах способствует росту потребления энергетических ресурсов, а следовательно, увеличивает факторы для конкуренции. Именно китайский вызов стратегическим интересам Индии вынуждает Нью-Дели искать союзников и формировать антикитайскую коалицию на международной арене. Если учитывать, что 80 % потребностей КНР и Индии в нефти и газе доставляется морским путем через Индийский океан, то становится ясным стратегическое значение Индийского океана и Южно-Китайского моря, где будет сосредоточена активная линия конфронтации между двумя державами [4]. Для КНР обеспечение безопасного маршрута импорта нефти и газа через Индийский океан является ключевой детерминантой активного присутствия в государствах вдоль маршрута – финансирование и строительство портов в Бангладеше, Шри-Ланке, Мьянме и Пакистане.

Вместе с тем существующие территориальные споры между Индией и Китаем по Аксайчин (20 % территории штата Джамму и Кашмир) и штату Аруначал-Прадеш детерминируют геополитические проекции обоих государств, а также дают повод представителям СМИ говорить о возможности открытых военных конфликтов между странами. Следует отметить, что Н. Моды в течение своего правления в Индии в отношениях с Пакистаном обсуждает исключительно вопросы терроризма, категорически не поднимая вопрос Кашмира, придерживается также стратегии создания антитеррористической коалиции. При этом индийский лидер не хочет казаться настроенным против мусульман или против Пакистана [5, с. 73–75].

Индия является наиболее активным и серьезным критиком инициативы КНР в контексте соб-

ственных геополитических интересов. В 2014 г. Н. Моды обозначил, что “мир разделен на два лагеря. Один лагерь – это экспансионистская политика, в то время как вторые верят в развитие” [6]. В 2015 г. власти Индии открыто заявили, что не готовы быть частью китайской инициативы ОПОП и что рассматривают ее как инструмент достижения национальных интересов КНР [7]. Все больше Индия оказывается в политико-военном окружении прокитайски настроенных государств – Пакистана, Шри-Ланки, Мьянмы и Бангладеша в рамках стратегии КНР “Нить жемчуга”.

Открытие первой военно-воздушной базы за границей КНР в Джибути подталкивает Индию искать более тесное сотрудничество с региональными государствами. Так, тесное сотрудничество достигается с США, Ираном, Мьянмой и Шри-Ланкой. Правительство Н. Моды активно проводит внешнеполитические доктрины с 2014 г: “Act East” – направлена на тесное сотрудничество с государствами АСЕАН, в частности между Мьянмой и Индией в рамках трехсторонней магистральной и транспортного проекта “Каладан”; “Neighborhood First” Policy – Бангладеш, Бутан, Непал и Шри-Ланка рассматриваются в рамках данной концепции в качестве государств прямого соседства и развития отношений.

В своей политике по отношению к КНР Н. Моды, скорее, проводит политику по созданию антикитайской коалиции с Австралией, Японией, США и Вьетнамом, а также с островными государствами – Маврикием, Сейшелами и Шри-Ланкой. Сотрудничество в рамках БРИКС позволило Нью-Дели согласиться на размещение штаб-квартиры Нового банка развития БРИКС в Шанхае, но при условии, что первым президентом банка будет индиец [5, с. 80].

Необходимо особо отметить, что китайский вызов стратегическим интересам Индии вынудил Нью-Дели активизировать свое сотрудничество с рядом островных государств. Впервые за многие годы Индия и ее руководство стали активно обращать внимание на своих соседей. Так, премьер-министр Н. Моды совершил ряд важных визитов: первый его государственный визит был в Японию; в 2014 г. впервые за 28 лет премьер-министр Индии посетил Австралию; впервые за 34 года – Сейшельские острова; впервые с 1988 г. – Шри-Ланку; впервые за десять лет – Маврикий.

Активное сотрудничество Индии развивается с Вьетнамом, особенно в военно-политической сфере. Вьетнам обеспокоен растущим влиянием КНР в Южно-Китайском море и призывает Нью-Дели более активно вовлекаться в региональные вопросы. Так, Индия выделила кредит в объеме

500 млн долл. Вьетнаму на сотрудничество в сфере обороны.

Пакистан является для Индии раздражителем номер один, особенно в контексте усиливающегося партнерства между Исламабадом и Пекином. В 2015 г. в Исламабаде было открыто самое крупное по площади дипломатическое представительство КНР за границей. С одной стороны, Пакистан может использоваться как рычаг давления на Индию в контексте их противостояния, а с другой стороны, обеспечивает безопасный маршрут импорта нефти через пакистанский глубоководный порт Гвадар в качестве альтернативы Малаккскому порту, а также способствует экономическому развитию СУАР. Китайско-пакистанский экономический коридор стоимостью в 62 млрд долл. воспринимается как попытка установления стратегического партнерства между государствами. Если изначально (в апреле 2015 г.) речь шла о 46 млн долл., то уже в 2017 г. сумма предполагаемых инвестиций выросла до 62 млрд долл. Поскольку маршрут проходит по спорным территориям Джамму и Кашмир, для Индии это еще вопрос территориальной целостности и суверенитета. Экономический коридор призван соединить мусульманскую провинцию КНР СУАР (г. Кашгар) с одним из трех крупных портов Пакистана Гвадаром [8]. КНР в 2013 г. получила порт Гвадар в аренду на 40 лет, что обеспечит доступ к ближневосточной нефти, а также позволит экспортировать китайские товары на Ближний Восток и в Африку. Если 80 % нефти КНР импортирует через Малаккский пролив, то использование порта Гвадар создаст более безопасную альтернативу. СУАР должен стать регионом переработки сельскохозяйственного сырья из Пакистана. Сама территория Пакистана будет использоваться для производства, хранения и транспортировки первичного сырья, а территория СУАР – для переработки. Следует отметить, что именно проект экономического коридора является на сегодняшний день наиболее разработанным примером в рамках инициативы КНР. Существуют определенные риски экономического коридора, связанные с вопросом безопасности в контексте присутствия террористических организаций на территории Пакистана. Для охраны инфраструктурных проектов КНР ввела на территорию Пакистана представителей своих частных военных и охранных компаний, что стало новой чертой во внешней политике КНР в начале XXI в.

Шри-Ланка имеет стратегическое военно-политическое значение для Китая и Индии, находясь между государствами Персидского залива и Малаккским проливом, государствами Юго-Восточной Азии. Для Шри-Ланки Китай является постав-

щиком преимущественно военной техники. Порт Хамбанто, известный как порт Магампур, построенный на китайские деньги в объеме 1,5 млрд долл., начал функционировать в 2010 г., порт в перспективе должен стать самым крупным в Южной Азии. В 2013 г. был открыт второй международный аэропорт в Хамбанто, также построенный на китайские инвестиции. Порт Хамбанто позволяет КНР иметь точку наблюдения за ядерными, морскими и космическими объектами Южной Индии [9], что не может не вызывать опасения Нью-Дели. При этом Шри-Ланка, чтобы выплатить свой долг перед КНР, приняла решение в 2017 г. продать 70 % акций порта китайской компании.

Бангладеш является для КНР стратегически важным государством, находящимся между Южной и Юго-Восточной Азией. КНР в 2010 г. инвестировала 9 млн долл. на строительство порта Читтагонг. В 2016 г., во время первого за 30 лет визита председателя КНР в Бангладеш, стороны договорились повысить уровень отношений до стратегического партнерства и сотрудничества, в ходе визита было подписано 27 проектов на 21,5 млрд долл. [10]. В 2017 г. было подписано соглашение о строительстве магистрального нефтепровода протяженностью в 220 км, финансирование которого в объеме 694 млн долл. будет обеспечено Китаем.

Непал также находится в зоне активного интереса КНР. Предполагается тесная интеграция КНР с Непалом и “освобождение” последнего от индийской зависимости в рамках строительства 700 км железной дороги между Лхасой (Тибет) и Шигадзой (Непал). Готовность содействовать гидроэнергетическим проектам в Непале, а также военным силам в объеме в 2,6 млн долл. Китай выразил в конце 2000-х гг.

Мьянма является для КНР также стратегически важным партнером в силу возможности импортировать нефть и газ напрямую через ее территорию. Помимо портов и железных дорог, КНР заинтересован в островах Коко в 30 км от контролируемых Индией Андаманских островов. Мьянма для Индии является единственным сухопутным мостом для рынка Юго-Восточной Азии. Таким образом, Индийский периметр становится зоной активной конкуренции между Индией и Китаем, что вынуждает Нью-Дели придерживаться стратегии формирования антикитайской коалиции на глобальном уровне.

Индия является на сегодняшний день единственной региональной державой, способной противостоять растущему влиянию КНР в Индийском океане и Южно-Китайском море, а также державой, способной сформировать антикитайскую коалицию.

Литература

1. Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road forum. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (дата обращения: 20.03.2018).
2. *Erica Downs, Jeffrey Becker and Patrick de Gategno*. China's Military Support Facility in Djibouti: the Economic and Security Dimensions of China's First Overseas Base. 2017. URL: https://www.cna.org/CNA_files/PDF/DIM-2017-U-015308-Final2.pdf (дата обращения: 20.03.2018).
3. *Antwi-Boateng O.* New World Order Neo-Colonialism: A Contextual Comparison of Contemporary China and European Colonization in Africa // *Africology: the Journal of Pan African Studies*, Vol. 10, No. 2. April 2017. P 177–195.
4. *Kaya O. T., Kulic F.* Sino-Indian Strategic Rivalry in the Indian Ocean Region // *The Journal of Humanity and Society*. 2017. 7 (2). P. 155–172.
5. *Vajpai K.* Narendra Modi's Pakistan and China policy: assertive bilateral diplomacy, active coalition diplomacy // *International Affairs*. 2017. 93:1. P. 69–91.
6. *Bruce Einhorn*. Visiting Japan, India's Modi pokes at China // *Bloomberg*. 2014. 2 September. URL: <http://www.bloomberg.com/bw/articles/2014-09-02/visiting-japan-indias-modi-pokes-at-china> (дата обращения: 05.05.2018).
7. *Tanvi Madan*. What India thinks about China's One Belt, One Road initiative (but doesn't explicitly say) // *Brookings*. 2016. 14 March. URL: <http://www.brookings.edu/blogsorder-from-chaos/posts/2016/03/14-india-china-asia-connectivity-madan> (дата обращения: 05.05.2018).
8. Китайско-пакистанский экономический коридор // ИД “КоммерсантЪ”. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 20.03.2018).
9. *Хрисанфова Д.В.* Отношения Китая и Шри-Ланки как часть стратегии “Нитка жемчуга” // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2016. № 403. С. 140–143.
10. *Saimum R.* What One Belt – One Road meand for Bangladesh. *Dhaka Tribune*. URL: <http://www.dhakatribune.com/opinion/op-ed/2017/10/31/one-belt-one-road-means-bangladesh/> (дата обращения: 7.04.2018).